

НА ПОЛЯХ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ (феноменологические тропы)

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР – ФИЛОСОФ НА ЛЕСНОЙ ТРОПЕ (к 120-летию со дня рождения)

© А. В. Михайловский

Михайловский

Александр Владиславович

кандидат философских наук,
доцент

доцент кафедры
истории философии

Государственный
университет – Высшая школа
экономики

г. Москва

Эссе посвящено 120-летию со дня рождения Мартина Хайдеггера (1889–1976). В эссе предпринята попытка герменевтической реконструкции «топологической карты мысли» или «метафизики ландшафта» М. Хайдеггера на основе многопланового понятия *Holzweg*, лесной тропы. Для интерпретации привлекаются поэтические свидетельства Э. Юнгера, Ф. Г. Юнгера и П. Целана.

Ключевые слова: метафизика ландшафта, герменевтическая философия, М. Хайдеггер, Э. Юнгер, Ф. Г. Юнгер, П. Целан.

«Пути – не труды»¹, – писал Мартин Хайдеггер в предисловии к полному собранию сочинений, давая читателю важное указание на характер своей мысли. «Wegmarken» («Путевые знаки»), «Unterwegs zur Sprache» («На пути к языку»), «Holzwege» («Лесные тропы») – вот названия, пожалуй, самых известных сборников статей и выступлений Хайдеггера, с которыми он вошел в интеллектуальное пространство новой Германии и Европы после 1945 года. Во всех названиях слышится одно слово – «путь» или, точнее, «пути»...

В эпоху индустриализации и массового общества, тотального господства техники и нигилизма, одним словом, «постава» (*Gestell*) Хайдеггер сумел найти место, откуда раскрывался мир – не «другой», «лучший» или

¹ Heidegger M. Frühe Schriften. GA, Bd. 1. Hrsg. v. Friedrich Wilhelm von Hermann. Frankfurt a.M., 1978. S. IV.

Мартин Хайдеггер – философ на лесной тропе

«более укромный», а мир как единая «четверица» (*Geviert*) неба и земли, смертного и божественного. Мир, который не предстает субъекту как объект, не доступен для властного жеста распорядителя и не опутан транспортными и коммуникативными сетями; он молчаливо отвечает осмысляющему мышлению (*Besinnung*), являет себя в поэтическом слове (*Dichtung*) и питает укорененного, живущего в нем человека. Бытие и смысл бытия – философские слова для обозначения *открытости мира*. Мир не есть абстрактное пространство-вместилище, где бессмысленно громоздятся вещи. Мир – белый свет, простор, где есть близь и даль, – впервые дает вещам быть тем, что они суть, раздвигает пространство для вещей и событий.

Греческое слово *топос*, по Хайдеггеру, лучше всего улавливало этот смысл пространственного, согласно которому место принадлежит вещи. Человек живет в мире, прокладывая путь через пространство, через вещи-топосы. Он прислушивается к вещам, и вещи отвечают ему. Он обходит вещи и оберегает их.

Путь связывает землю с небом, богов – со смертными. Собственно мыслить и означает совершить шаг из представляющего субъект-объектного мышления в мышление другое, «послушное существу мира»². Собственно мыслить и значит быть путем; осваивая пространство, быть там, где все на своем месте.

Итак, мышление не случайно понимается Хайдеггером по образу пути. А путь не случайно связан с ландшафтом, по которому шагает путник, и с местом, где он «строит, живет, мыслит». Действительно, встреча с философией Хайдеггера, с «мышлением о бытии» – это опыт, который у многих вызывает естественную догадку о скрытых в его текстах топографических схемах мысли³. Так какой же представляется топология и топография мысли Хайдеггера?

Топографическая карта мысли Хайдеггера, скрытая в тексте философа, соотносится с лесным ландшафтом, точнее говоря, с местностью Шварцвальда. Сам философ говорит о нем в небольшом эссе «Творческий ландшафт: почему мы остаемся в провинции»:

² Хайдеггер М. Вещь // Время и бытие / Мартин Хайдеггер; пер с нем. В. В. Библина. М.: Республика, 1993. С. 325. Здесь же Хайдеггер говорит о «четверице».

³ В. А. Подорога сумел найти точное и емкое выражение: «метафизика ландшафта». Читая философский текст, мы попадаем в поле действия сил, организующих пространство философского произведения. А они имеют пространственное свойство. Речь идет о «ландшафтности» или топологичности мысли, ее пространственном строе, соразмерности «месту» (подробнее см.: Подорога В. А. Метафизика ландшафта: коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX в. М.: Наука, 1993; см. также: Подорога В. А. Выражение и смысл. М.: Ad Marginem, 1995. О Хайдеггере. С. 246–330).

Здесь следует заметить, что впервые вопрос о связи определенного типа философствования с характером ландшафта ставится в работе: Стелун Ф. К феноменологии ландшафта // Труды и дни. 1912. № 2. С. 52–56. См. переизд.: Стелун Ф. А. К феноменологии ландшафта // Сочинения / Он же; сост. В. К. Кантор. М.: РОС-СПЭН, 2000. С. 804–806. Я благодарен В. К. Кантору за это указание.

«На крутом склоне широкой высокогорной долины в южном Шварцвальде, на высоте 1150 метров над уровнем моря, стоит хижина – небольшой лыжный домик. Его площадь – 6 на 7 квадратных метров. Крыша низко опускается над тремя помещениями – кухней, спальней и кельей–кабинетом. По узенькому дну долины и по точно таким же крутым склонам гор разбросаны крестьянские подворья с огромными, низко нависшими над ними крышами. Луга и пастбища тянутся вверх по склону до самого леса с его высокими, темными, старыми елями. А над всем этим стоит ясное летнее небо, в сияющие просторы которого широкими кругами взмывают два ястреба.

Вот мой мир – мир, в котором я тружусь, если смотреть на него созерцательным взором гостя и отпускника, Я же, собственно, никогда не рассматриваю этот ландшафт. Я постигаю его в опыте жизни: ежедневно, денно и ночью плаваю он в великих волнах времен года. Тяжесть гор, крепость их первобытных пород, задумчивый рост елей, светлая безыскусная роскошь цветущих горных лугов, шум ручья, бегущего по камням бескрайней осенней ночью, суровая простота занесенных снегом равнин – все это теснит и торопит одно другое, ведет свою ноту сквозь кажущуюся сущность существования там, вверху, на горах.

И все это опять же не в особо избранные мгновения сознательного сосредоточения, нарочитого вчувствования, а только тогда, когда свое собственное существование – внутри своего труда, в нем. Только труд разверзает просторы, в какие вступит действительность этих гор. Черда трудом до конца погружена в ландшафт, в его совершающееся пребывание.

Когда во мраке зимней ночи вокруг хижины бушует снежная буря с ее свирепыми порывами ветра, когда все окрест застилает снежная пелена, все скрывая от глаз, вот тогда наступает время торжествовать философии. Вот когда она обязана вопрошать просто и существенно. Всякая мысль должна прорабатываться сурово и отчетливо. Тогда отпечатлится труд мысли в языке – все равно как ели, высаясь, противостоят буре»⁴.

Этот ландшафт, конечно, – не предмет эстетического созерцания. Хайдеггер описывает *мир*, в котором он уединился, и вместе с тем – *стихию* своей мысли. Слово «стихия» употреблено здесь не случайно. Стихия указывает на первоэлементы, материю, природу. На нечто такое, во что в конечном счете опирается мысль, будучи не в силах совладать с ним, одухотворить, вывести на свет, набросить свою сетку координат, чтобы в конечном счете подчинить себе. Стихия указывает на нечто немислимое в мысли, необособленное, неотделенное, потаенное. Человек живет в *мире*, живет на земле. И земля властно вторгается в его существо. Более того, она впервые предоставляет человеку место в мире. Можно сказать, для земли небезразлично, где развернется мир исторического бытия человека. «Власть земли», стало быть, состоит в том, что мир может стать «родиной». *Одним из главных вопросов Хайдеггера в связи с*

⁴ Хайдеггер М. Творческий ландшафт // Работы и размышления разных лет / М. Хайдеггер; пер. с нем. А. В. Михайлова. М., 1993. С. 218–219. К этому тексту Хайдеггера вновь обращаются редакторы саратовского альманаха «Res cogitans», посвященного теме «Провинция»: Хайдеггер М. Творческая местность: почему мы остаемся в провинции? (пер. А. Мисурова) // Провинция: Теоретический альманах «Res cogitans #5». М.: Книжное обозрение, 2009. С. 57–59.

*феноменом мира до конца оставался вопрос: может ли мир, и если да, то как, стать для человека «родным» (heimatlich)?*⁵

Экзистирование в мире и на земле определяет характер Dasein, человеческого «бытия-в-мире». Отношение мира и земли не образует четкой системы координат, но представляет собой исторически меняющуюся взаимосвязь. «Земля, для народа же в его историческом свершении его земля» определяется в «Истоке художественного творения» (1936) как «затворяющаяся почва-основа, на которой зиждется и покоится этот народ...»⁶. Мир же есть «открытость», в которую разворачивается и которую пронизывает «вздымающаяся» земля.

Земля – та утаивающая, самозатворяющаяся основа, на которой только и может «зидиться» мир. Земля стремится наружу, произрастая лес, грибы, цветы и травы, корни которых уходят в почву. Мир, давая пространство для творческого труда, пойсиса, также нуждается в почве, на которой впервые может расцвести многообразие форм. Но отношение мира и земли двойственно. Они проникают друг в друга, и в то же время они противонаправлены, образуют «спор». Спор «открытия» и «затворения», игра явления и утаивания, расточения и хранения и есть верный признак «истины бытия». А потому, по мысли Хайдеггера, утрата феноменом земли своего смысла в эпоху современной тотальной техники означает не что иное, как отрыв мира от питающей основы земли, разрушение земли, на что последняя отвечает молчанием⁷.

Почему для человека так важно это «затворение» (Bergung) земли? Хорошо известно, что Хайдеггер прочитывает истину (греч. aletheia) как «непотаенность». Однако вместе с тем истина толкуется как Lichtung – просвет в лесу. Тем самым философ говорит: все, что себя показывает, и в той мере, в какой оно себя показывает, себя скрывает. «Сокрытие» оказывается неотъемлемой частью «свершения истины». Если мы в горизонте нашего «бытия-в-мире» стремимся объяснить, разложить по полочкам все вещи, мы превращаем «открытость» в тотальность и забываем, что, по слову Гераклита, «природа любит скрываться». Превращая вещи в объекты, а мир – в исчислимую величину, мы лишаем их исконной связи с темной, глухой основой земли. Возможное и посылное для Dasein «утаивание» состоит лишь в воспроизведении «спора земли и мира», потому что «утаивание» есть только там, где земля и мир проникают друг в друга. Техника разрушает землю. Но искусство и, прежде всего, поэзия все еще способны беречь истину сущего.

Итак, Шварцвальд и, шире, *немецкий лес* – то место, откуда берет начало философствование Хайдеггера. Если ландшафт – это место-пребывание бытия, то стоит совершить усилие и попробовать войти в «мысле-

⁵ Ср.: Trawny P. Martin Heidegger. Frankfurt/New-York: Campus-Verlag, 2003. S. 104.

⁶ Хайдеггер М. Исток художественного творения // Работы и размышления разных лет / М. Хайдеггер. С. 105.

⁷ См.: Heidegger M. Beitrage zur Philosophie (Vom Ereignis). GA, Bd. 65. Hrsg. v. Friedrich-Wilhelm von Herrmann. Frankfurt a. M., 1989. S. 277 f.

ние о бытии» с этой до-концептуальной стороны. Прежде всего, попробуем самостоятельно воспроизвести тот телесно-феноменологический опыт леса, который встроен в текст Хайдеггера и в свою очередь дает нам ценный герменевтический ключ к его мысли.

Лес неотделим от горного массива — он растет вверх во всех смыслах. Лес просматривается на сто-двести шагов — без сильного бурелома и валежника. Неспешным шагом путник идет вверх по дороге, с каждым витком идти становится все труднее. Он останавливается передохнуть и оглядывается: в просвете открываются луга и стройные ряды елей на соседних вершинах. Лес объемлет собой все горы, расступаясь лишь далеко внизу на равнине. Дальше дорога делает поворот (Kehre). Огибая вершину, путник через какое-то время видит место, которое он недавно миновал. Склон уходит вниз, и после каждого нового поворота можно видеть пройденный и лежащий внизу под ногами участок пути. И вдруг дорога внезапно обрывается прямо посреди леса. Здесь из поросшей мхами земли бьют ключи, которые образуют горные речушки и напоят влагой плодородные почвы. Это и есть *лесная тропа (Holzweg)*, прокладываемая лесниками для своих нужд. Дальше — никаких следов человека, ни проторенной дороги, ни опознавательных знаков-засечек.

Здесь внезапно открывается то, что не бросилось сначала в глаза: «задумчивый рост елей...» Порядок вырастает из элементарной силы, имеет в своей основе неразделенное, немислимое, только стремящееся к порядку. Это лес как питающая почва, земля, основа благосостояния и имуществ⁸ — то, что греки, родоначальники философии, называли словом *hyle*, впоследствии переведенном на латинский язык как *materies*. Для Хайдеггера это было важно, потому что немецкий язык воспринимался им ни больше ни меньше как заместитель греческого логоса в современную эпоху.

В предисловии к сборнику «Holzwege» (1950)⁹, включавшему в себя такие важные работы, как «Исток художественного творения» и «Время картины мира», Хайдеггер истолковывал значение слова. «Holzwege» — это лесные тропы, «поросшие травой и внезапно обрывающиеся в нехоженом». «Нехоженое» — это область нетронутого, непродуманного, однако не в смысле «еще не». Оно ускользает от человека, привыкшего к размеренному пространству и времени.

Хайдеггер любил приглашать своих гостей, приезжавших к нему в хижину в Тодтнауберге, на прогулку по лесу до места с поэтичным назва-

⁸ Ханс Гримм — пожалуй, самый популярный немецкий писатель межвоенной поры — в романе «Народ без пространства» пишет о лесе как экзистенциальной основе: «Лес служит местом убежища, дающим защиту и кров. Крестьянам, которые не способны кормить себя и свои семьи только возделыванием земли или не овладели профессией мельника, кузнеца, проповедника, врача или учителя, лес всегда может дать работу. Даже когда в долине не найти другой работы... крестьянин всегда может стать угольщиком, рудокопом, лесником» (Grimm H. Volk ohne Raum. München: Albert Langen / Georg Müller, 1933. S. 14).

⁹ Heidegger M. Holzwege. 5. Aufl. Frankfurt a. M., 1972.

нием Штубенвазен. Ответвляющиеся от основной дороги лесные тропы, известные дровосекам и лесникам, были ведомы и философу.

Среди гостей были ученые, философы и поэты — Эрнст и Фридрих Георг Юнгер, Пауль Целан, Карл Фридрих фон Вайцзеккер¹⁰. Прочтем три поэтических свидетельства, в которых раскрывается мир и сберегается затворенно-замыкающаяся земля.

1. Сначала — четверостишие из стихотворения «Блуждание» («Die Irre») Фридриха Георга Юнгера:

Ich verirrt mich im weiten Walde,
Fand den Weg nicht, der ins Freie fuhrte,
Ging den Holzweg, der im Holze endet,
Ging im Kreise durch die Waldreviere¹¹.

На лесной тропе есть риск заблудиться, и путник теряет себя, чтобы себя найти. Мысль, опирающаяся на опыт лесной тропы, предстает не «стрелой познания», не распутыванием клубка нитей, который выводит на свет, на открытую местность, а петлянием в лесу. Привычная линия внезапно превращается в круг. Holzweg, говорит поэт, кончается в лесу (im Holze), буквально: в дереве или древесине. Нет больше торных дорог и знаков, все предоставлено самому себе. Путник оказывается в богатстве неразделенного, необособленного, у истоков изобилия. Но только здесь ему представляется шанс узнать свое собственное, расслышать собственный язык.

2. А вот как передает ощущения от своей встречи с Хайдеггером осенью 1948 г. Эрнст Юнгер:

«...Моя первая личная встреча с философом состоялась в горах, в Шварцвальде под Тодтнаубергом. Уже при первом взгляде я почувствовал нечто, что было не только сильнее слова и мысли, но и сильнее личности. Простой как крестьянин, но крестьянин сказочный, который по желанию может превращаться. „Сокровища в сумрачной еловой чаще“. В нем что-то чувствовалось от охотника, который ставит в лесу капканы.

То был знающий — человек, которому знание приносит не только богатство, но и веселость, как того требует от науки Ницше. В своем богатстве он был неприступен (unangreifbar) и даже неуловим (ungreifbar) — если вдруг явится судебный пристав, чтобы описать его последнее платье. Чего стоил один хитрый взгляд со стороны, он понаравился бы и Аристофану!»¹².

¹⁰ Карл Фридрих фон Вайцзеккер в своих воспоминаниях рассказывает об одной беседе с Хайдеггером: «Однажды он повел меня по лесной дороге, которая сходилла на нет и оборвалась посреди леса в месте, где из-под густого мха проступала вода. Я сказал: „Дорога кончается“. Он хитро взглянул на меня: „Это лесная тропа. Она ведет к источникам. В книжку я это, конечно, не вписал“» (Weizsacker C. F. von. Der Garten des Menschlichen. München; Wien, 1977. S. 407 (пер. В. В. Библихина)).

¹¹ Junger F.G. Im tiefen Granit: nachgelassene Gedichte von F.G. Junger. Hrsg. v. Citta Junger. Stuttgart: Klett-Cotta, 1983. S. 40.

¹² Цит. по: Martin B. (Hrsg.). Martin Heidegger und das «Dritte Reich»: ein Kompendium. Darmstadt: Wiss. Buchges., 1989. S. 153. Сам Хайдеггер, вспоминая о той встрече, писал Юнгеру об «обнадеживающем чувстве родства, когда двое идут по лесной

Философ чувствует себя в лесной стихии (в эссе «Через линию»¹³ Юнгер именует ее словом *Wildnis*, «пустошь» в смысле невозделанного места) так же уверенно, как крестьянин или охотник, который ставит капканы. Укорененность в лесу воздействует сильнее слова и мысли, где уже есть строй, порядок, индивидуальность. Лес – это опять-таки еще не размеченная, не упорядоченная человеком земля. В лесу обитает свобода: жители леса веселы, независимы, хитры, суверенны, потому что всегда имеют возможность уйти в горы, ускользнуть от судебного пристава, сборщика податей и, в конечном счете, от Левиафана.

В последнем же предложении цитаты делается тонкий намек (через фигуру Аристофана) на знаменитую греческую хитрость и ловкость, софию греков, родоначальников философии. Вспоминается, что Демокрит проникся к будущему софисту Протагору глубочайшим уважением, увидев однажды, как искусно тот укладывает вязанку хвороста, из чего Демокрит сделал вывод, что Протагор способен к самым сложным наукам...

Но приведем еще одну цитату из Юнгера:

«Родина Мартина Хайдеггера – Германия с ее языком; родина Хайдеггера – лес. Там он чувствует себя как дома – в нехоженом, на лесных тропах. Брат его – дерево.

Когда Хайдеггер погружается в язык, он делает больше, чем – как сказал бы Ницше – требуется „среди нас, философов“. Хайдеггеровская экзегеза – больше, чем филология, больше, чем этимология: он ухватывает слово там, где оно еще свежо, в полной силе. Оно дремлет в зародыше молчания, чтобы могуче подняться из насыщенного лесного гумуса...»¹⁴

Кажется, в этих словах автор как бы дает развернутый комментарий к известному афоризму Хайдеггера «Язык есть дом бытия». Язык, как семя, вырастает из почвы и разворачивается в свободном росте, не испытывая нужды ни в питательных веществах, ни во влаге. Дом бытия стоит в лесу и построен из леса, матери, *hyle*.

3. В довершение еще одно – пожалуй, самое известное – поэтичес-

тропе»: «Когда я это пишу, мне вспоминается наш разговор в конце прошлого десятилетия. Во время прогулки по лесу мы остановились в месте, где от дороги ответвляется лесная тропа. Тогда я уговаривал Вас выпустить новое издание „Рабочего“...» (*Heidegger M. Wegmarken. 3., durchgesehene Aufl. Frankfurt a. M., 1996. S. 391*). Ср. также письмо Хайдеггера Юнгеру от 18.12.1950 (*Junger Ernst -Heidegger Martin. Briefe 1949-1975. Hrsg., komm. u. mit einem Nachwort von G. Figal. Klett-Cotta/V. Klostermann, 2008. S. 17-18*), где Хайдеггер говорит о «воодушевляющей близости путников (*eine ermutigende Verwandtschaft des Gehens*)», идущих по «ясно намеченным Вами лесным тропам».

¹³ Речь идет об эссе «Über die Linie» (1950), опубликованном Э. Юнгером в сборнике в честь 60-летия М. Хайдеггера. Хайдеггер через пять лет ответил статьей «О „линии“», посвященной 60-летию Юнгера. Дискуссия между философом и писателем была посвящена «преодолению нигилизма». См.: *Судьба нигилизма: Э. Юнгер, М. Хайдеггер, Д. Кампер, Г. Фигаль / пер. с нем., пред. и комм. Г. Хайдаровой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.*

¹⁴ Цит. по: *Martin B. (Hrsg.). Martin Heidegger und das «Dritte Reich». S. 154.*

кое приближение к Хайдеггеру, принадлежащее Паулю Целану. Стихотворение «Тодтнауберг», написанное после визита в хижину летом 1967 г. Приведем его целиком.

TODTNAUBERG

Arnika, Augentrost, der
Trunk aus dem Brunnen mit dem
Sternwurfel drauf,

in der
Hutten,

die in das Buch
– wessen Namen nahms auf
vor dem meinen? –,
die in dies Buch
geschriebenen Zeile von einer Hoffnung, heute
auf eines Denkenden

kommendes
Wort
im Herzen,

Waldwasen, uneingeebnet,
Orchis und Orchis, einzeln,

Krudes, spater, im Fahren,
deutlich,

der uns fahrt, der Mensch
der's mit anhort,

die halbbeschrifteten
Knuppelpfade
im Hochmoor,
Feuchtes,
viel.

Арника, очей очанка,
из колодца, поверх звездой от-
меченного, напиток,

под кровом
Хижины.

где в книгу –
чье ж имя
в ней перед моим? –
в ту книгу
запись
о надежде
сегодня в сердце
на мыслящего
слово,
что грядет

А. В. Михайловский

проплешины в лесу, буграми, ржавь,
ятрышник да ятрышник порознь,

смутность, в дороге после,
явственна,

он, кто везет нас,
со-внимает то же,

недо-
торенные, лесом
поваленным тропы в топяк
сыро,
сыро.

(пер. М. Белорусца)

Прочтя присланное по почте стихотворение, Хайдеггер написал Целану 30.01.1968 г: «Слово поэта, произносящего „Тодтнауберг“, называющего место и ландшафт, где чье-то думанье попыталось сделать шаг назад, в незначительное (? – А. М.), – это слово поэта является одновременно ободрением и предупреждающим призывом, оно хранит память об одном многообразно настроенном (? – А. М.) дне в Шварцвальде...»¹⁵.

Подробно об ожиданиях и переживаниях Целана во время и после этой встречи можно узнать из биографии Рюдигера Сафрански¹⁶. Это середина стихотворения («грядущее слово»). Смысл оформляется потом (...später im Fahren./ deutlich), а вначале – нечто грубо-нерасчлененное (Krudes). При этом обращают на себя внимание начало и конец текста, которые как бы замыкаются в кольцо.

От внимательного читателя не ускользнет то, что в стихотворении звучат два лейтмотива, две темы: влаги и пути. Глоток из колодца с резным украшением (Trunk aus dem Brunnen mit dem / Sternwurfel drauf...) – звездой, какую нередко можно встретить в швабско-алеманнских краях; и путь, ведущий к лесным топяк наверху (Waldwasen, uneingegebenet...), через которые проложены мостки («недоторенные, лесом поваленным тропы...», halbbeschriftene Knuppelpfade). Эти Knuppelpfade Целана – иное и, быть может, даже более точное название для Holzwege. Обильная влага (Feuchtes,/viel) во мхах, очанка (Augentrost) и вода колодца сливаются в одно. Поэт улавливает архаическую связь, существующую между глазом и источником (она этимологически прослеживается во многих языках).

Мы уже знаем: поэт называет нечто и утаивает – в экстазе, гадали, забвении. То же называл и утаивал Гельдерлин в гимне «Мнемозина». Отважimsя ли ступить на зыбкую почву сами? Попробуем задать вопрос:

¹⁵ Цит. по: Целан П. Стихотворения. Проза. Письма / под общ. ред. М. Белорусца. М.: Ад Маргинем пресс, 2008. С. 325.

¹⁶ Сафрански Р. Хайдеггер. Германский мастер и его время. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 556–560.

Мартин Хайдеггер – философ на лесной тропе

кто хозяин колодца? Ответ будет неожиданно навеян ландшафтом: хозяин колодца – великан Мимир, таинственный хранитель источника мудрости, в котором спрятан глаз Одина, захотевшего получить знание последних вещей. Край колодца зарос мхом и увит плющом; в глубину не проникают ничьи взгляды – только корни мирового древа... Теперь, совершив путь и вернувшись от логоса к мифическому истоку, мы спускаемся назад по лесной тропе к дому.

На камне над могилой Мартина Хайдеггера у кладбищенской часовни в его родном Мескирхе нет креста – только звезда, какую нередко встречает путник в швабско-алеманнских краях.

Martin Heidegger – a Philosopher on a Holzweg

A. Mikhailovsky

The essay dedicated to the 120th anniversary of Martin Heidegger (1889-1976) is concerned with a hermeneutic reconstruction of Heidegger's "topological mind map" or "metaphysics of landscape" and deals with a polysemantic term Holzweg, "Timber Track" or "Forest Path". On the one hand, a Holzweg is a timber track that leads to a clearing in the forest. On the other, it is a track that used to lead to such a place but is now overgrown and leads nowhere. The interpretation is based on poetic witnesses of E. Junger, F. G. Junger and P. Celan.

Key words: metaphysics of landscape, hermeneutic philosophy, M. Heidegger, E. Junger, F. G. Junger, P. Celan.